

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОВПАК

соискатель факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

kovpak@eu.spb.ru

«Я ВСЕ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЮ РАЗГУЛИВАТЬ В МУНДИРЕ»: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И КАРЬЕРА А. Л. ШАПИРО

Реконструируются особенности начала карьеры советского историка в конце 1930-х годов и то, как на ней сказалась Великая Отечественная война. Источниками для исследования являются официальные документы из фондов научных учреждений и вузов, а также корреспонденция А. Л. Шапиро. Война на полтора десятилетия оторвала историка от преподавания истории СССР в гражданских вузах и от научной работы в области социально-экономической истории. Поступив на службу в систему военно-морского образования, он был вынужден кардинально изменить тематику исследований. После окончания войны А. Л. Шапиро долгое время не удавалось уволиться в запас, хотя работа в училищах ВМФ потеряла для него смысл. Тем не менее он смог приспособиться к таким обстоятельствам и подготовиться к продолжению гражданской карьеры. Используя свою исследовательскую подготовку и довоенные научные связи, он подготовил и защитил в 1951 году докторскую диссертацию по военно-морской истории. А осенью 1956 года, после увольнения из ВМФ, историк был принят на должность профессора исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Ключевые слова: А. Л. Шапиро, советская историография, Великая Отечественная война

Александр Львович Шапиро (1908–1994) относится к поколению советских историков, начинавших карьеру накануне Великой Отечественной войны. Представители этого поколения входили в академическую среду в конце 1930-х годов, когда, с одной стороны, завершалось становление советской историографии, а с другой – шел процесс подчинения науки идеологическим потребностям политического руководства страны. Открытие исторических факультетов и появление профильных академических учреждений, переиздание трудов дореволюционных историков и интенсивная работа по публикации источников и исследований по отечественной истории сопровождались репрессиями и идеологическими кампаниями. В таких обстоятельствах молодые советские историки учились в аспирантуре, защищали диссертации, публиковали первые научные работы и начинали преподавать.

В довоенное десятилетие А. Л. Шапиро успешно прошел стартовый этап карьеры. Окончив в 1937 году аспирантуру исторического факультета ЛГУ, он получил должность доцента исторического факультета Саратовского государственного университета. Здесь была завершена кандидатская диссертация «Очерки истории крестьянского хозяйства в первой четверти XVIII в.», защита которой прошла в ЛГУ 13 мая 1938 года. В изучении истории крестьянского хозяйства Шапиро к концу 1930-х годов достиг значительных результатов: он активно участвовал в подготовке двух томов сборника документов «Крестьянин и помещик в первой половине

XVIII в.», включенных в издательские планы Института истории на 1937–1938 годы¹, а также на основе материалов диссертации опубликовал две статьи². Свидетельством признания Шапиро в академической среде стало поручение ему написать раздел о крестьянстве в эпоху Петровских реформ для главного в то время историографического проекта – многотомного издания «Очерки истории СССР»³. Летом 1939 года Шапиро вернулся из Саратова в Ленинград, и до начала войны основным местом его службы был ЛГПИ им. М. Н. Покровского.

Главной задачей этого института, как и многих других ему подобных, была подготовка учителей из молодежи крестьянского и рабочего происхождения [4; 29–32]. Специфика же обучения в них состояла в том, что уровень образования абитуриентов и студентов был крайне низок. Некоторые из поступавших в Институт им. Покровского девушек и юношей были неграмотными: в отчете исторического факультета за 1938–1939 годы подчеркивалось «чрезвычайно неудовлетворительное состояние грамотности студентов»⁴. Поэтому целью преподавания было формирование у студентов прежде всего навыков грамотного изложения своих мыслей и пересказа прочитанного, а не подготовка их к исследовательской работе. Показательно в этой связи внимание администрации к тому, насколько успешно преподаватели адаптируют лекции к уровню своей аудитории: «Доц. Шапиро <...> читает свой курс <...> вполне успешно, – отмечалось в одном из отчетов. – Обладает умением

довести до сознания каждого слушателя свою мысль. Изложение просто, ясно». С этой задачей справлялись не все. Так, недостатком лекций профессора К. В. Кудряшова по истории СССР XIX века признавалось их «не всегда четкое, понятное аудитории», «сухое изложение»⁵.

Шапиро с увлечением вел спецкурс по истории Северной войны в ЛГУ и читал лекции в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. «Я работаю много: в институте навалили общие курсы (на утреннем и вечернем), историографию, спецкурс, практические, географов», – писал он в начале 1940 года своему другу Л. А. Дербову в Саратов⁶. Вся эта разнородная педагогическая деятельность требовала очень усердной подготовки, поэтому с осени 1939 по лето 1940 года Шапиро был занят почти исключительно работой над лекционными курсами и семинарскими занятиями. Весной 1940 года он сообщал Дербову, что «приходилось сидеть ночами». «Работа интересная, но измочаливает здорово», – подытоживал он описание своего рабочего графика⁷.

В таких обстоятельствах А. Л. Шапиро мог только размышлять о выборе темы для дальнейшей исследовательской работы. «В январе будет немного полегче, и я думаю немного заняться литературной работой, но до сих пор не решил, на чем остановиться: продолжать ли петровских крестьян или приняться за историографию 40–60-х годов. Боюсь, как бы не уподобиться буриданову ослу», – писал он Дербову в начале 1940 года⁸. Уже осенью 1940 года Шапиро смог возобновить исследовательскую работу. Пользуясь снижением педагогической нагрузки, историк продолжил занятия в архиве, увлеченно работая над «хозяйственными фондами екатерининского времени» и над «Трудами Вольно-экономического общества». Материал был многообещающим и поэтому он решил «увязнуть в нем на несколько лет» с тем, чтобы писать докторскую диссертацию. Тему А. Л. Шапиро сформулировал в письме Л. А. Дербову следующим образом: «Формирование национального рынка и крестьянское хозяйство в XVIII в.»⁹. Эта тема продолжала его исследования в области истории крестьянского хозяйства и вместе с тем существенно расширяла их хронологические рамки и проблематику, охватывая всю экономику Российской империи в XVIII веке.

Начавшаяся 22 июня 1941 года война, однако, перечеркнула все научные планы А. Л. Шапиро. В радикально изменившихся обстоятельствах на первый план вышли куда более прозаические и в то же время жизненно важные вопросы. В первые дни войны, благодаря работавшим в Ленсовете родственникам, жена и дочь А. Л. Шапиро были эвакуированы из Ленинграда. В конце июня и июле в городе царили патриотические настроения. Мужское население, и в том числе А. Л. Шапиро, с готовностью от-

клинулось на призыв вступать в народное ополчение [1; 218]. Этот поступок, продиктованный гражданской позицией молодого историка, как оказалось, существенно облегчил ему дальнейшую жизнь в блокадном Ленинграде. А. Л. Шапиро не попал на фронт в составе первых четырех дивизий народного ополчения, сформированных в июле и понесших жестокие потери в боях на подступах к Ленинграду. Он был направлен на службу в интендантскую роту одного из городских эвакогоспиталей и получал норму питания красноармейца, а не служащего. Последняя, распространявшаяся на работников вузов, грозила истощением и смертью от голода [2; 154, 180], [3; 38]. Таким образом, историку удалось пережить первую, самую страшную блокадную зиму, а летом 1942 года он получил назначение в Военно-морское политическое училище им. С. Г. Рошаля. Так началась новая карьера А. Л. Шапиро.

Она складывалась вполне успешно: А. Л. Шапиро вступил в партию, получал повышения в звании, со временем возглавил в училище цикл исторических дисциплин. Немаловажным обстоятельством было и то, что служба позволяла ему, квалифицированному преподавателю, вносить свой вклад в войну с максимальной пользой, обучая будущих флотских офицеров.

На первых порах работы в училище историк не мог продолжить довоенные исследовательские занятия и написал небольшое сочинение публицистического характера «Н. Г. Чернышевский против зоологического расизма». Попытка опубликовать его в журнале «Звезда» успехом не увенчалась. Духу и риторике пропагандистской литературы военного времени сочинение это соответствовало не вполне: А. Л. Шапиро не удалось избавиться от академического стиля изложения, он явно старался максимально обстоятельно изложить логику и аргументацию Н. Г. Чернышевского¹⁰. Несмотря на призыв А. Л. Шапиро к «опровержению фашистской расовой теории силой оружия», а не «оружием критики», его статья скорее апеллировала к разуму читателя, а не к эмоциям, привлекая к размышлению над ходом мысли «великого демократа». К тому же Н. Г. Чернышевский, обличавший расизм во всех его проявлениях, обращал «оружие критики» и против американского рабовладения и его защитников. В связи с этим в статье А. Л. Шапиро Гитлеру и Раушингу предшествовали «планта́торы рабовладельческих штатов Северо-Американского союза», которые в первой половине XIX века «повели ораторскую, газетную и ученую борьбу против сторонников освобождения американских рабов»¹¹. Добросовестное изложение историком взглядов Н. Г. Чернышевского бросало, таким образом, тень на историю США, члена антигитлеровской коалиции, что могло быть неприемлемо для журнала.

Возобновить научную деятельность А. Л. Шапиро смог только в 1944 году после возвращения из эвакуации в Ленинград. Тема была далека от довоенной проблематики его исследований и была связана с преподаваемыми им в училище курсами. «Пишу сейчас работу о кампаниях русского флота в Средиземном море в 1805–1807 гг., а читаю курс истории русского флота», – писал он в первом послевоенном письме Л. А. Дербову. Новая тема, тем не менее, А. Л. Шапиро увлекла. В письме своему коллеге историк приводил вполне рациональное обоснование своего интереса: «Тема эта представляет интерес, так как связана с очень сложной и запутанной политической ситуацией и с таким выдающимся флотоводцем, как Сенявин. Архивные материалы богатые, печатных источников тоже бездна, а литература скучная». Теперь именно по этой теме А. Л. Шапиро собирался писать докторскую диссертацию: «Занят я этим делом полтора года, и через год собираюсь написать диссертацию»¹².

Несмотря на то что историк почувствовал вкус к исследованию военно-морской истории, преподавание в училище с окончанием войны все больше тяготило его. А. Л. Шапиро писал Л. А. Дербову: «Работа у меня не блестящая. Наше политическое училище не высшее, и срок обучения трехгодичный. По истории СССР курс элементарный, и его даже не хочется читать. По истории флота имею 100 часов с второкурсниками, и это сравнительно интереснее»¹³. В 1946/47 учебном году А. Л. Шапиро вообще отказался от чтения курса по истории СССР, однако затем вновь к нему вернулся, опасаясь «позабыть все, что знал раньше», то есть потерять квалификацию¹⁴.

Но и в таких обстоятельствах историк стремился не терять связи с академическим сообществом. Сетя в 1946 году на то, что «порядочно оторвался от исторической общественности», А. Л. Шапиро сообщал Л. А. Дербову о том, что редко «бывает на заседаниях в истфаке ЛГУ и Институте истории»¹⁵. В письме 1949 года он извещал своего коллегу о том, что деканом исторического факультета ЛГУ стал А. Н. Корнатовский, и сообщал о проработке на факультете «за космополитизм» С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейна, С. Б. Окуня и Р. А. Таубина¹⁶.

Все это время историк упорно трудился над докторской диссертацией, несмотря на то что порой был не уверен в дальнейшей судьбе своего исследования. Причиной такого пессимизма были два обстоятельства. Во-первых, сам А. Л. Шапиро мог стать жертвой кампании против «космополитизма», мишенью которой была советская интеллигенция еврейского происхождения. Военно-историческая тематика исследования не гарантировала от возможных преследований. В это время военных историков наравне с историками гражданскими «прорабатывали» и за «низкопоклонство перед Западом», и за «бур-

жуазный объективизм», под которым мог пониматься академизм исследования, недостаточное превознесение заслуг того или иного военного деятеля и т. п.¹⁷

Второе обстоятельство состояло в том, что походами адмирала Д. Н. Сенявина занялся в конце 1940-х годов академик Е. В. Тарле. Позднее А. Л. Шапиро вспоминал, что «был немало расстроен этим обстоятельством». Он «совсем было приуныл», когда узнал, что «маститый ученый» работал с теми же архивными фондами, но работу над своей диссертацией не оставил. После того как вышла книга Е. В. Тарле, А. Л. Шапиро убедился в том, что для него «остается широкий простор для исследования»¹⁸. 28 мая 1951 года в Институте истории АН СССР состоялась защита его докторской диссертации.

Историку удалось устроить защиту в престижном научном учреждении, несмотря на трудности, связанные со службой в далеком от Москвы Баку, откуда «выйехать лишний раз» ему не удавалось¹⁹. В этом деле А. Л. Шапиро прибег к довоенным академическим связям: ему содействовала А. М. Панкратова, заместитель директора Института истории²⁰. Весьма представительным был и список оппонентов: академик Е. В. Тарле, заведующий кафедрой военной истории Военной академии им. М. В. Фрунзе профессор Л. Г. Бескровный, профессор ЛГУ С. Б. Окунь и сотрудник Исторического отдела Морского генерального штаба, кандидат военно-морских наук Р. Н. Мордвинов, известный специалист по истории военно-морского флота. Все оппоненты высоко оценили диссертацию А. Л. Шапиро и рекомендовали ее к печати.

Разумеется, тень «текущей политики» и идеологии лежала на выступлениях всех участников диспута. И время, и сама военно-историческая тема диссертации делали неизбежным для Е. В. Тарле обращение к «маленькой незабываемой статье товарища Сталина» с критикой «невероятных ошибок Энгельса», для Л. Г. Бескровного – выдвижение в качестве главного достоинства диссертации ее патриотизма, для Р. Н. Мордвинова – упрек диссертанту за недостаточное подчеркивание «приоритета русского военно-морского искусства» в маневренной тактике морского боя и за отсутствие примечания об изобретении пушки «единорог» в России. И сам диссертант в заключительном слове произнес ритуальные фразы о том, что «больше всего удовлетворения» ему доставила «та характеристика работы, в которой она оценена как патриотическая работа», и что он, как советский человек, обращает «слова благодарности и любви, прежде всего, к великому Сталину»²¹.

А. Л. Шапиро писал об этом событии Л. А. Дербову уже в ноябре 1951 года очень кратко и буднично: «Зашита у меня прошла благополучно. Хотя драка и была с одним из оп-

понентов (Мордвиновым). Но его возражения были не очень основательными, и я на них ответил»²². К этому времени он опять вернулся к рутинному для себя преподаванию истории флота, а направление на новое место службы, в Балтийское высшее военно-морское училище, то есть в учреждение рангом выше, чем училище им. А. А. Жданова, ничего для историка уже не меняло.

А. Л. Шапиро мечтал преподавать отечественную историю в гражданском вузе и часто в связи с этим вспоминал в письмах к Л. А. Дербову саратовский этап своей жизни: «О жизни и работе в Саратове, о саратовских друзьях всегда вспоминаю, как о лучшем, что было в жизни. Тогда мы не умели ценить всего, чем жили. Тем сильнее я ценю сейчас»²³. Преподавание общего курса было для А. Л. Шапиро тем важнее, что в его понимании оно было тесно связано с общей квалификацией историка. Откликаясь на статью Л. А. Дербова «о кандидатуре Ивана IV на польский престол», А. Л. Шапиро оценивал свое мнение как «мнение читателя», поскольку «никогда специально не занимался XVI веком, а за последние годы совсем отился от многих исторических вопросов, так как не читаю общий курс истории СССР (к великому сожалению!)»²⁴.

Мало радости приносили А. Л. Шапиро и публикации его статей, несмотря на то, что публиковались они, в отличие от работ довоенного времени, в престижных академических изданиях. В 1946 году в ежегоднике «Исторические записки» появилась статья о крестьянской торговле и подрядах, в 1950 году в журнале «Исторический архив» вышла историографическая работа об А. Н. Радищеве²⁵. В 1954 году были опубликованы две его статьи: о крестьянстве в первой четверти XVIII века (в «Очерках истории СССР») и о кампаниях российского флота в Средиземном море в 1806–1807 годах (в многотомнике «История военно-морского искусства»)²⁶. Но для автора эти публикации были, скорее, проявлениями тревожной тенденции, поскольку между их написанием и появлением в печати прошло немало времени. «...Это все старые работы. У меня все печатается обычно через много лет после того, как написано. Ну да бог с ним», – писал он Л. А. Дербову²⁷. Работая в Калининграде, А. Л. Шапиро был лишен воз-

можности регулярных занятий в библиотеках и архивах. Командировки в Ленинград позволяли работать лишь урывками, и это время историк использовал для подготовки к печати своей докторской диссертации. Времени на изучение новых проблем вне рамок военной истории не оставалось, что для А. Л. Шапиро означало отсутствие исследовательских перспектив по окончании работы над книгой о Д. Н. Сенявине. «Вот жду все возможности вернуться в гражданский вуз, но пока не отпускают меня», – находясь в декабре 1954 году в командировке в Ленинграде, сообщал он своему другу в Саратов²⁸. К этому времени историк несколько раз безуспешно давал рапорт об увольнении в запас. Послевоенный этап карьеры А. Л. Шапиро, таким образом, демонстрирует полное несоответствие интересов советского историка, в силу жизненных обстоятельств оказавшегося на военной службе, и интересов государственного руководства, которое наращивало военно-морские силы и в силу этого удерживало квалифицированные кадры для подготовки офицеров.

Увольнение, столь долгожданное для А. Л. Шапиро, произошло только в 1956 году благодаря повороту политики советского руководства к сокращению Вооруженных сил. 15 мая в «Правде» было опубликовано заявление правительства СССР о дальнейшем разоружении, содержащее, в частности, решение об увольнении к 1 мая 1957 года из армии и флота 1200 тыс. человек²⁹. Уже в сентябре Шапиро в качестве профессора начал занятия на историческом факультете ЛГУ. «После “истории военно-морского искусства” я буквально ожил, когда вернулся к любимому делу, – писал он Л. А. Дербову в ноябре. – Читаю общий курс феодализма на вечернем и заочном факультетах, курс историографии, спецкурс по реформам Петра I, а в перспективе еще историческая библиография для заочников. Кроме того дипломанты, аспирант, кружок и т. д. и т. п. Работать приходится очень много, так как пятнадцать лет я не работал в гражданских вузах, но работа очень интересная»³⁰. В этом письме отразилась увлеченность Шапиро новой деятельностью, оптимизм относительно дальнейших перспектив и, безусловно, удовлетворение от своей востребованности на историческом факультете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1433. Л. 4, 36. Из-за войны оба тома не были опубликованы.

² Шапиро А. Л. 1) Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века // Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. 1939. Т. I (XIV). Вып. 1. С. 47–74; 2) Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. Л., 1940. С. 23–53.

³ В 1938 году это издание задумывалось как «пятитомник истории СССР». (Список научных работ Шапиро А. Л. 19 мая 1938 г. // Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 7240. Оп. 12. Д. 981. Л. 9; Отчет о работе группы позднего феодализма за 1 квартал 1938 г. // СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1433. Л. 23).

⁴ ЦГА СПб. Ф. 4887. Оп. 2. Д. 149. Л. 12.

- ⁵ Там же. Л. 13, 16–16 об.
- ⁶ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 2 января [1940] г. // Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 1 об. в Саратове.
- ⁷ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. [май] 1940 г. // Там же. Л. 3.
- ⁸ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 2 января [1940] г. // Там же. Л. 1 об.
- ⁹ Там же. Л. 8 об.
- ¹⁰ В статье имелся и справочно-библиографический аппарат (Шапиро А. Л. Н. Г. Чернышевский против зоологического расизма // ОР РНБ. Ф. 709. Оп. II. Д. 314. Л. 3–13).
- ¹¹ Там же. Л. 4.
- ¹² А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 14 июня 1946 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 9–10.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 7 ноября 1946 г. // Там же. Л. 11 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 11.
- ¹⁶ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 10 апреля 1949 г. // Там же. Л. 13.
- ¹⁷ См.: Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 334–335, 519–521; Манойлин В. И. Базирование Военно-морского флота СССР. СПб., 2004. С. 50–51.
- ¹⁸ Шапиро А. Л. Мои встречи с Е. В. Тарле // Из литературного наследия Е. В. Тарле. М., 1981. С. 280.
- ¹⁹ А. Л. Шапиро – А. М. Панкратовой. 14 апреля 1951 г. // Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 697. Оп. 3. Д. 560. Л. 1.
- ²⁰ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР. 28 мая 1951 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 657. Там же. Л. 1–1 об.
- ²¹ Там же. Л. 40–41, 58, 76, 79, 109–110.
- ²² А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 8 ноября 1951 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 14 об.
- ²³ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 7 декабря 1954 г. // Там же. Л. 19–19 об.
- ²⁴ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 25 декабря 1954 г. // Там же. Л. 20.
- ²⁵ Шапиро А. Л. 1) Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // Исторические записки. 1948. № 27. С. 202–239; 2) «Записки о Петербургской губернии» А. Н. Радищева // Исторический архив. 1950. Вып. V. С. 190–287.
- ²⁶ Шапиро А. Л. 1) Крестьяне // Очерки истории СССР. Период феодализма (Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I). М., 1954. С. 152–185; 2) Военно-морское искусство в средиземноморских кампаниях 1806–1807 гг. // История военно-морского искусства. М., 1954. Т. II. С. 31–65.
- ²⁷ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 25 декабря 1954 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 21 об.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Правда. 1956. 15 мая.
- ³⁰ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 4 ноября 1956 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 24 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 474 с.
- Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Фонд Регионального развития Санкт-Петербурга: Европейский дом: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 1996. 365 с.
- Цамутали А. Н. Историческая наука и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (По материалам Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН) // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 1996. С. 33–43.
- Long Delbert H., Long Roberta A. Education of Teachers in Russia. London: Greenwood Press, 1999. 218 p.

Kovpak D. A., European University of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

“I AM STILL STROLLING IN THAT NAVAL COAT”: GREAT PATRIOTIC WAR AND A. L. SHAPIRO CAREER

Career characteristic features of one Soviet historian of the early 1930s and the influence of the Great Patriotic War on its development are studied. The study is based on multiple archival documents belonging to higher educational establishments and scholarly institutions. A. L. Shapiro's letters were also used as sources of the research. The outbreak of the Great Patriotic war deprived A. L. Shapiro of the opportunity to teach history at the university and blocked his socio-economic research. Having been mobilized to teach at a naval college, the historian had to change his research interests. After the war, A. L. Shapiro was not allowed to leave his naval service, although he did not see much sense in it. He, nevertheless, succeeded in adopting to the circumstances and continued his preparation for the following civil career. Using his research skills and academic relationships, A. L. Shapiro defended a doctoral thesis in the field of naval history in 1951. Upon his resignation from the Navy in 1956, the historian obtained professorship at the Department of History of Leningrad State University.

Key words: A. L. Shapiro, Soviet Historiography, Great Patriotic War

REFERENCES

1. Lomagin N. A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown Siege of Leningrad]. Part 1. Moscow, 2002. 474 p.
2. Rabinovich M. B. *Vospominaniya dolgoy zhizni* [Remembrance of long life]. St. Petersburg, 1996. 365 p.
3. Tsamutali A. N. Historical scholarship and the Great Patriotic War of 1941–1945 (On the materials of St. Petersburg branch of the Russian History Institute of the Russian Academy of Science) [Istoricheskaya nauka i Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. (Po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta rossiyskoy istorii RAN)]. *Leningradskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. St. Petersburg, 1996. P. 33–43.
4. Long Delbert H., Long Roberta A. Education of Teachers in Russia. London, 1999. 218 p.

Поступила в редакцию 24.11.2014